

Глаза

Не пеняй на зеркало, коли рожа крива.
Слова не бросай на ветер.
Дети могут услышать.
Могут расслышать дети.
Рассыплются на рассвете мысли твои как горох.
Глаза закрываешь и видишь:
Бог.

Слово не воробей. Воробьи собираются в стаи.
Старость всегда на пороге.
Она лицо твоё знает.
Заснешь в дремучем лесу,
Под головой коренья и мох.
Глаза открываешь и видишь:
Бог.

Глаза.
Небесная бирюза.
Лоза виноградная гнется —
Поспели плоды —
Рви.
Кто спит, тот, конечно, проснется.
Узри.

Ангелы летят

Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Над городом, над пробками, над снегом,
Который идет с неба.
Ты говоришь, я совсем как ребенок,
Как снежинка кружусь,
Как птица.

Иногда
Он закрывал глаза
И чувствовал вибрацию поезда каждой клеткой своего тела.
Впрочем, какое дело,
Какое поезду дело до всех сантиментов
Среднестатистического школьника,
Не проявляющего особо интереса
Ни к истории, ни к географии,
Ни тем более к алгебре с геометрией.
— Ветренный, — говорила Степану мама, —
Ты слишком ветренный.
Иногда после уроков Степан шел на железную дорогу,
Чтобы увидеть поезд.
Чтобы увидеть его вблизи.
Разглядеть его лицо.
Рассмотреть каждый дрожащий вагончик.
Впрочем, Степан шел туда,
Чтобы поговорить с поездом.
— Эй, — кричал он одному из вагонов, —
Куда ты сегодня?
Киров, Казань, Москва,
Санкт-Петербург, Воркута,
Города, города, города...
Таблички мелькали, дрожали вагоны.
Кто-то ждет всех этих людей,
Все эти дрожащие вместе с вагонами головы,
Скучающие, глядящие в окно, как в пустоту, лица.
Что видят они за окном?
Бесконечный ряд облезлых панельных домов —
Типичный пейзаж провинциального города.
Такого города, где родился и жил Степан.
— Послушай, поезд,
А когда ты поедешь в Сургут? —
Кричал Степан уходящему поезду, —
Ты ведь помнишь: в Сургуте у меня друг!
Степан вдруг однажды решил
(Он не помнил, почему и когда,
Может быть, на уроке литературы или английского языка),
Что где-то там, в Сургуте,
О котором он не знал ровным счетом ничего,
Обязательно должен жить мальчик,
Который учится в школе,
Окна которой выходят на железную дорогу.
Понемногу мальчик привык
К стуку колес, гудку поезда
И даже полюбил их...

— В общем, — кричал Степан уходящему поезду, —
Ты знаешь, что после уроков
Он приходит на железную дорогу
И ждет тебя, ждет, когда ты привезешь ему

От меня
Привет.

«Нет, — слышалось Степану в стуке колес, —
Нет, нет, нет».

— Он обязательно придет! —
Почти плача кричал Степан поезду, —
Ты слышишь?
Как громко, как часто дышишь!
На крыше твоей путешествуют
Звезды и птицы,
Даже маленькие жучки
Проникают в твои щелки...
Что только, что только ты видишь
На железном своем пути!..
Пусти и меня, пусти,
Хотя бы привет отвези
Туда, далеко в Сургут,
Туда, где у меня друг,
Туда, где он ждет меня,
Туда, далеко,
Где
Я.

Запасный выход

Запасный выход.
Безопасный выход.
Дети рисуют на окнах трамвая пальцами.
Снятся им
Ночью серьезные сны.
Мы,
Мы гладим их нежные косы.
На все их вопросы
Пытаемся что-то бубнить.
Я нить.
Ребенок говорит: я нить.
Возьми меня в руки и начинай шить.
Возьми меня в сердце и начинай жить.
Начинай быть.
Как я.
Как я.
Трамваи качают меня.
Поют свои звонкие песни.
Запасный выход.
Безопасный выход.
Места предназначены для пассажиров с детьми.

Бери меня в сердце
И
Есмь, Есть, Еси.
Сердце на небеси.

Город

Город просыпается,
Город выбирается из-под снега.
Он подснежник.
Он подснежник нового дня.
Кто-то
Расставил в нем свои якоря,
Кто-то
С якорей снимается.

Город.
Какой-то неистовый холод.
Кто-то скажет: конец февраля.
Заря разлилась по небу.
Город розовый,
Как щеки того малыша,
Что ныряет в сугроб с разбега.

Город улыбается.
Город отражается в наших лицах.
Город в каждое смог влюбиться.
Не столица этот город,
Простая провинция.
С нечищеными дорогами,
Грубыми людьми,
Невозможностью уехать на автобусе после десяти.

Прости меня, город, прости.
Скоро весна.
Ты будешь цвести.
Сквозь асфальт прорастут бутоны.
Дома.
Давай останемся этим вечером дома.
Будем смотреть фотоальбомы.
Все знакомы. Все лица тебе знакомы.
Вот старик, который в тысяча восемьсот...
У открытой стоит калитки.
Вот старушка, которая в тысяча девятьсот...
Навсегда замерла с улыбкой.
Город розовый.
Ты с разбега ныряешь в сугроб.
На витрине лежишь открыткой.

И в две тысячи ...дцатый год
Ты идешь, ты идешь вперед.
Город просыпается.
Город выбирается из-под снега.
Он подснежник.
Он подснежник нового дня.
Город розовый.
Он с улыбкой глядит на меня.
Скоро весна.
Ночь короче день ото дня.
Город, знай:
Я люблю тебя.

Крыши так сильно засыпаны снегом

I

Крыши так сильно засыпаны снегом,
Что их очертания исчезают.
Кажется, будто они сливаются с небом.
Кажется, будто они продолжают в небе.
Кажется, будто небо продолжается в них.
Сбоку на стене дома пожарная лестница.
Лезешь на крышу — поднимаешься в небо.
Небо белое, как огромное снежное облако
Величиной с вселенную.

В детстве мне казалось,
Что облака похожи на рисовую кашу,
А скалы — на халву.
Так и хотелось откусить кусочек!
Если честно, мне и сейчас так кажется.
Приедешь летом к морю, выйдешь на скалистый берег,
Погладишь ладонью горячие камни —
Халва? Не халва? Халва?
В детстве мне казалось,
Что облака такие густые и сладкие,
Что вкуснее них нет ничего на свете!
Самолетам, должно быть, трудно лететь сквозь них.
Плотные белые облака.
Рисовая каша на молоке.

II

Лезешь на крышу — поднимаешься в небо.
Небо белое, паче снега.
Бескрайняя белизна.
Убелюся, убелюся и я.

Снег идет непрерывно три дня.
С головой меня засыпает.
Убелюся, убелюся и я.
Убелится больная земля.
Снег идет непрерывно три дня.
Омыши.

III

Вот идет человек, над человеком идет снег.
С головой его засыпает.
Очертания его исчезают.
Кажется, будто с человеком сливается снег,
Кажется, будто человеком становится снег.
Кажется, будто снегом становится человек.
Чело поднимет к небу.
Паче снега.
Убелюся, убелюся и я.
Убелится больная земля.
Омыши, и я паче снега...
Лезешь на крышу — поднимаешься в небо.
Лезешь на крышу — поднимаешься в небо.
Лезешь на крышу — поднимаешься.
Лезешь на крышу.
Лезешь.

В Страстной четверг

Задуешь свечу — поднимется дым под купол.
Куклу качает трехлетняя девочка Вера,
Четвертого дня в ее пальчиках юная верба
Качалась и плакала.

В Страстную все лица как-то особенно тонки,
Бледны, прозрачны как будто,
Как будто потусторонни.
Вот женщина в сером пальто
Лбом жметя к иконе,
Вот женщина в сером пальто
Бескрайня, бездонна.
Бесстрастно лицо на иконе,
Потусторонне.
На той стороне люди ходят, паря над землею,
На той стороне люди ходят, как облацы в небе,
Как ветер по полю, как ангели Божьи.
Вот
Агнец
С безмерною нежностью смотрит на женщину в сером,
С безмерною нежностью смотрит и плачет.

Вот
Агнец.

Задуешь свечу — поднимется дым под купол.
Над куполом небо, над куполом бесконечность.
Вот женщина в сером, вот в женщине в сером вечность.
Задуешь свечу, опустишь уставшую руку.

На той стороне... От чего, от каких территорий?
От каких берегов, осязаемых и не очень.
Задуешь свечу пред иконою — день окончен.
Вот
Агнец
Идет и глядит с несказанной любовью.

На той стороне от греха, от греха, конечно.
На той стороне ослепительной и безбрежной.
Вот женщина в сером куда-то идет неспешно,
Паря над землею, над талой водою вешней.

Степень внутренней свободы

Степень внутренней свободы
Определяется безграничностью моря,
Которое ты видишь или не видишь
Каждое утро из своего окна,
Необъятностью леса,
Который ты видишь или не видишь,
Каждый день выходя на порог своего дома,
Бездонностью книги,
Которую ты читаешь или не читаешь
Каждый вечер в уюте своего дома.
Степень внутренней свободы...
Воды.
Иногда это просто глоток воды,
Чтобы проросли все ростки,
Взошли все всходы,
Чтобы открылись миры.
Внутри.
Изнутри.
Зри.
Выйти из черной дыры
На песчаный солнечный берег.
Каждому будет по вере.
По свободе.
По тишине.
Семена прорастают во мне,
Распускаются все бутоны.
На коленях стоять пред иконой.

От зари до зари.
Зри.
Степень свободы. Мера любви.
От зари до зари. Колосятся поля мои.

Mon Amour

Я тебя люблю.
Я тебя тоже.
Без этого человек жить не может.
Без этого человек — лист опавший,
Без этого человек — цветок увядший.
Раньше
Встаю по утрам,
Чтобы сварить тебе изысканный кофе.

Троллейбус переполнен людьми.
Повиснув на поручне, еду свои три
Остановки.
C'est la vie.
Троллейбус задыхается без любви.
Смотри мне в глаза, смотри.
Повисли на поручнях пассажиры.
Едешь свои четыре.
Троллейбус качается на бегу.
Я тебя люблю,
Я тебя тоже.
Merci beaucoup.

То ли июнь, то ли сентябрь.
С утра бесконечный дождь.
Ждешь
Меня целый вечер,
Я приду — усталость и дрожь.
Возьмешь
Мои тонкие руки —
Холоднее, чем руки скульптур.
Я тебя люблю,
Я тебя тоже.
Дождь закончился.
Mon amour.

